

К ВОПРОСУ ОБ «ИДЕАЛАХ» КНИЖНИКОВ И ПОЛИТИКОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ¹

Филюшкин Александр Ильич

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
a.filushkin@spbu.ru

Аннотация. Появление политических идеалов является индикатором зрелости социума. Обсуждая идеалы, общество видит возможности изменения условий своего существования, ориентир развития, «иную реальность». Возникновение идеалов показывает, что социальная жизнь ощущает необходимость и способность преобразования самой себя. В статье ставится вопрос, когда эти процессы начинаются в России? В историографии примеры первых идеальных политических концепций обычно связывают с XVI в., идеями Ивана Пересветова, Андрея Курбского, Ермолая Еразма и др. В статье показывается, что эти идеалы во многом конструируются и модернизируются на основе презентизма, в реальности в XVI в. трудно выделить концептуально оформленные русские политические и социальные идеалы. Мы видим идеалы в церковной, духовной жизни (идеалы святости) и сформированные идеалы повседневной жизни (Домострой). Политическая мысль в России раннего Нового времени больше ориентировалась на традицию, интуитивизм и прагматизм. Формулирование политических и социальных идеалов произойдет позже, по мере знакомства с политической мыслью Европы и формирования слоя отечественных интеллектуалов.

Ключевые слова: политический идеал, Российское царство XVI в., Иван Пересветов, Иван Грозный, святые, святость, Домострой.

Цитирование: Филюшкин А.И. К вопросу об «идеалах» книжников и политиков Московской Руси // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 2. С. 30–46. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-30-46 / Filyushkin A.I. Revisited "Ideals" of Muscovite Scribes and Politicians, in Novoe Proshloe / The New Past. 2022. No. 2. Pp. 30–46. DOI 10.18522/2500-3224-2022-2-30-46.

© Филюшкин А.И., 2022

¹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта РНФ № 21-48-04402.

REVISITED “IDEALS” OF MUSCOVITE SCRIBES AND POLITICIANS¹

Filyushkin Aleksandr I.

St Petersburg State University,

St. Petersburg, Russia

a.filushkin@spbu.ru

Abstract. The emergence of political ideals is an indicator of the development of society. Discussing ideals, society sees the possibility of changing the conditions of its existence, a guideline for development, a “different reality”. The emergence of ideals shows that social life feels the need and the ability to transform itself. The paper answers to the question, when do these processes begin in Russia? In historiography, examples of the first ideal political concepts are usually associated with the 16th century, the ideas of Ivan Peresvetov, Andrei Kurbsky, Yermolai Erasmus, and others. The article shows that these ideals are largely constructed and modernized on the basis of presentism, they are absent in reality of the 16th century. It is difficult to single out conceptually formulated Russian political and social ideals. We see ideals in the church, spiritual life (the ideals of holiness) and formed ideals of everyday life (Domostroy). Political thought in Early Modern Russia was more oriented towards tradition, intuitionism and pragmatism. The formulation of political and social ideals will occur later, as one gets acquainted with the political ideas of Europe and the formation of a layer of domestic intellectuals.

Keywords: political ideal, Russian Tsardom of the 16th century, Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, saints, holiness, Domostroy.

¹ This research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 21-48-04402.

Появление политических идеалов в Европе принято связывать с возникновением светской политической идеологии. Ученые относят начало генезиса этого процесса к эпохам Возрождения и Просвещения [Friedrich, 1943; Kenyon, 1982; Nielsen, 1986]. Правда, также говорится о политических идеалах в античной философии, что, впрочем, не противоречит данному тезису, поскольку идеи античности вернулись в Европу именно в Ренессанс [Michelle, 2015]. Период Средних веков, таким образом, выглядит цезурой, когда в политической идеологии преобладали теологические взгляды.

Появление политических идеалов и дискуссий вокруг них является индикатором зрелости социума, перехода его на ту ступень развития, когда обществу небезразличны условия его существования, оно видит возможности изменения этих условий, ориентир развития, «иную реальность». Чтобы ее воплотить, ее надо сначала сформулировать. Возникновение таких идеалов показывает, что социальная жизнь ощущает необходимость и способность преобразования самой себя.

Когда эти процессы начинаются в России? Ведь мы можем говорить только о слабом отблеске Ренессанса, и довольно позднем подключении к идеологии Просвещения. Недаром применительно к русской истории существует понятие «длительного средневековья», с IX по XVII в., правда, связанное в основном с периодизацией культуры [Гардзанини, 2019]. Источником социальных преобразований всегда выступает государство, власть (впрочем, в этой роли оно остается и в дальнейшем, в Новое время). Можно ли зафиксировать момент, когда русский социум начинает формулировать пусть не требования – пожелания к власти, причем делать это не только исходя из насущных практических интересов (снизить пошлины, налоги и т. д.), но из каких-то абстрактных идеалов, представлений о том, как же должно быть? Ответ на этот вопрос позволит внести вклад в историческую диагностику уровня зрелости российского общества на разных этапах его развития.

В историографии сложилось три подхода к поискам ответа на данный вопрос. Поскольку внятные и однозначные формулировки социально-политических идеалов именно как идеалов в России появляются довольно поздно, эти идеалы реконструируют на основе лексики, семантики языка, анализа текстов на иные темы. То есть в каком-то смысле сторонники этого направления, возможно, сами этого не формулируя, следуют концепции Школы Анналов о «безмолвующем большинстве», для которого важно то, что «не говорят», «о чем молчат», что читается между строк. В основном это поиск политических идеалов, например, концептов «государство», «царство», «земля» [Keenan, 1986; Grumme, 1987; Новиков, Бурковская, 2017; Бурковская, Тяпкина, 2017; Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова, 2021], каких-то высоких идеалов [Черных, 1999; Соколова, 2017; Клепикова, 2019], или, напротив, рассмотрение проблемы через призму аксиологии или семантики слов [Афанасьев, 2002; Колесов, 2014]. Проблема этого подхода заключается в том, что анализируется бессознательное, несформулированное, смыслы реконструируются. Конечно, в какой-то степени это обусловлено объективным состоянием источников, недекриптивным характером средневекового сознания, эстетикой недосказанности

и т. д. Средневековое общество, по известному выражению А.Я. Гуревича – это «культура безмолствующего большинства» [Гуревич, 1990]. Но это означает, что мы можем говорить об идеалах, отраженных в семантике речи, мотивации поведения, системе ценностей – но мы не видим здесь идеалов как сформулированной социальной повестки, послания, которое интеллектуальная элита конструирует для преобразования общества. Перед нами скорее отражение повседневной дискурсивной практики.

Второй подход основан на презентизме. Концепции позднего времени переносятся на прошлое, и там ищутся их аналоги. Отсюда возникают разные «конституционные проекты» князя Романа Мстиславича 1203 г. [Толочко, 1997; Богданов, 2000], социальные проекты, изложенные в сочинении «Правительница, аще восхотят, царем правительница и землемерие» Ермолая Еразма, мыслителя XVI в. [Зимин, 1958, с. 109–143; Резванов, 2015], «перестройки» Российского царства в XVI в. в виде реформ «Избранной рады» и т. д. [Альшиц, 1990]. Этот подход более сомнителен с научной точки зрения, поскольку перед нами несомненные исторические конструкты, привнесение в прошлое идей и явлений, которые характерны для более поздних эпох. Привлекательная сторона этого метода в том, что он придает неясной и непрозрачной истории понятный современникам смысл, объясняет ее с позиций нашего времени. Его минус в том, что он манипулятивен. Мотивы историков, которые ищут в глубине веков аналоги явлений и процессов XX в., понятны (хотя, возможно, не всегда осознаются самими авторами этих текстов). Они в какой-то степени отвечают современной тенденции реабилитации презентизма в историческом знании, как феномена, придающего смысл прошлому (а без этого оно становится уделом антиквариев) [Лоренц, 2021; Бевернаж, 2021].

Третьим подходом является попытка опереться на отдельные тексты, которые в XX в. в историографии получили название «русская публицистика XVI в.»: сочинения Ивана Пересветова, Андрея Курбского, уже упоминавшегося Ермолая Еразма и т. д. [Зимин, 1958; Каравашкин, 2000; Витлин, 2021]. Однако многие авторы, которые используют данные источники для анализа содержащихся в них элементов социальных проектов, используют в лучшем случае научные публикации этих источников, печатные тексты. При этом остаются открытыми два вопроса.

Первый – насколько перед нами выражение, проекция мнения, чаяний общества (или хотя бы его части), а насколько – индивидуальное творчество интеллектуала, которое никто, кроме него, не понял и не принял? Советская историография выходила из этой проблемы изящно, объявляя персонажа носителем тех или иных взглядов по принципу классовой принадлежности: Пересветов оказывался идеологом дворянства, Курбский – идеологом боярства, Ермолай Еразм защищал крестьян и т. д. Но ограниченность такого подхода вытекает из его неverifiedности: у нас нет никакой возможности определить, например, в процентах, сколько бояр разделяли бы взгляды Курбского, а сколько детей боярских в гарнизонах от Васильурска до Путивля – идеи Пересветова. Мы можем только предполагать и воображать, а конструкт не есть доказательство.

Второй вопрос — насколько мы уверены в том, что имеющиеся в нашем распоряжении тексты адекватно отражают позиции условного Ивана Пересветова (личность которого, впрочем, до сих пор не выяснена) [Зимин, 1958, с. 300–308; Альшиц, 1988, с. 73–84; Ерусалимский, 2011, с. 87–104] или гораздо более исторически идентифицируемого Курбского? Или они искажены в поздних списках, переписчики которых вносили правку в соответствии с запросами своего времени? Вопрос непростой, применительно к переписке Ивана Грозного и Андрея Курбского остро поставленный Э. Кинаном [Keenan, 1971]. Американский славист отвечал на него, объявив все тексты, связываемые с именами царя и беглого боярина, подделкой XVII в. С этим не согласились его оппоненты [Скрынников, 1973; Rossing, Rønne, 1980; последнюю дискуссию см.: Bogatyrev, 2012; Voeck, 2012; Filyushkin, 2012], настаивавшие на факте существования в XVI в. этой переписки (что подтверждается неоднократными независимыми свидетельствами).

Но это не отменяет другого факта: абсолютное большинство списков посланий относятся к XVII–XVIII вв. Содержат ли они искажения? Да, причем настолько серьезные, что мы до сих пор не можем реконструировать начальный текст Первого послания Ивана Грозного Курбскому. Первая пространная, Вторая пространная и Краткая редакции этого послания слишком отличаются друг от друга, а критериев, позволяющих выявить протограф, у нас просто нет. Попытка К.Ю. Ерусалимского установить соотношение текстов посланий и на этой основе воссоздать первоначальные редакции текстов на сегодняшний момент является наиболее убедительной [Ерусалимский, 2002; Ерусалимский, 2016], но требует еще дальнейшей работы. При такой ситуации с источником не совсем основательно выглядят интерпретации взглядов Ивана Грозного, основанные на выборочном цитировании публикации его посланий, при этом без разбору, какой редакции. Похожая ситуация наблюдается и с другими текстами публицистов XVI в. Поэтому прежде, чем использовать их опубликованные тексты, необходим источниковедческий анализ, в большинстве работ на тему политических и социальных идеалов просто отсутствующий.

Поставим вопрос немного иначе: а были ли социальные и политические идеалы в средневековой Руси и России раннего Нового времени? XVII в. мы рассматривать не будем, потому что связанные с ним сюжеты, по объему намного выходят за возможные рамки одной статьи. Наша задача нащупать точку отсчета, а XVII в., особенно после Смуты — это уже явное продолжение, а не начало. Формулировка нашего вопроса, безусловно, перекликается с известной постановкой проблемы М.М. Кромом: «Была ли политика в средневековой Руси?» [Кром, 2005]. В своей статье автор успешно доказывает, что политики в современном понимании этого термина не было, а процессы и сценарии действий, которые мы бы сегодня назвали «политикой», можно обозначить категориями «дело государево» (внешняя политика) и «дело земское» (внутренняя политика). Полностью отдавая себе отчет, что идеалов в том смысле, который вкладывался в это понятие в эпоху Просвещения и даже в эпоху Ренессанса, в России XVI в. тоже не было (по аналогии с политикой), все же можно ли найти сферы, области, категории, в которых бы формулировалось что-то

аналогичное этим понятиям, причем это были бы не изыски отдельных интеллектуалов, а идеи, понимаемые и читаемые обществом?

Политические дискуссии в России XVI в. неизвестны. То, что мы сегодня называем «политикой» (помня замечания М.М. Крома), косвенно проглядывает в рассуждениях на сторонние темы: о праве государя наказывать изменных подданных в переписке Грозного с Курбским («Жаловать своих холопей мы вольны и казнить их вольны же») [Переписка..., 1979, с. 26], о верности бояр, к которым в 1567 г. обратился с «неприличными» предложениями сотрудничества король Сигизмунд II Август, в аллегориях Ивана Пересветова, сравнивавшего идеальное государство с Османской Турцией Магмет-салтана. Эти примеры хорошо известны в историографии, и они не дают какой-то цельной картины. Перед нами достаточно традиционные для средневекового общества представления о верности / праве на неверность вассала сюзерену, о необходимости демонстрации силы для подтверждения мощи и величия правителя. Каких-то оригинальных воззрений здесь не просматривается.

Более интересной кажется полемика вокруг польских бескоролевий и проектов русско-польских уний XVI в. Здесь можно ставить вопрос о диалоге российской и польской политической культур, об их взаимном влиянии и выработке в ходе этого диалога идей об устройстве «правильного» государства. Ведь речь шла об объединении государственных систем на «правильных» началах, следовательно, должны были быть какие-то представления, «как правильно». К сожалению, если с польской стороны мы имеем репрезентативную подборку различных мнений о том, «как обустроить Королевство Польское» [Czubek, 1906], аналогичных дискуссий в русском обществе, видимо, просто не велось. Некоторое отражение этих взглядов мы видим в обсуждениях условий унии между Россией и Речью Посполитой дипломатами, но остается открытым вопрос, насколько это идеалы, а насколько – ситуативные решения, дипломатическая реакция на предложения польско-литовской стороны.

Паны рада, которые вели с Иваном IV переговоры о его кандидатуре (или его сына Федора) на польский престол, пытались добиться от царя формулировок, каким он видит устройство объединенного государства. Но декларации царя носили крайне общий характер. Он принципиально подчеркивал веротерпимость, обязанность царя жаловать за верную службу (которая одновременно является и правом, и обязанностью дворянства) [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 10, л. 48–50об., 53–55, 68об.–70].

Вместе с тем царь оказался абсолютно глухим именно к идеальным моделям, которые литовская сторона рисовала перед ним в дипломатической переписке. В 1574 г. гнезненский архиепископ Якуб Уханьский отослал Ивану IV образцы писем, с которыми он должен обратиться к литовской шляхте, если хочет ее поддержки в борьбе за престол Речи Посполитой. В посланиях Уханьского монарх предстает христианским государем, оплотом веры, защитником «христианского мира» от угроз. Одновременно он выступает покровителем своего народа (под ним понималась шляхта – «народ политический»). Покровительство выражается в трех вещах: монарх его жалуует, монарх судит и разрешает конфликты, и монарх должен с

лучшими представителями народа, «людьми мудрыми», «судить и рядить в всех делах» [РГАДА, ф. 79, оп. 1, д. 10, л. 14об.–17об.]. То есть тут перед нами в самом деле политические идеалы. Примечательно, что Иван IV принципиально не понимает этого языка и декларирует приземленные, практические вещи: вы мне служите, а я вас жалую. Чтобы не было конфликтов, я готов закрыть глаза на вашу веру (также, как закрываю ее на веру служилых татар-мусульман, воюющих в моем войске). Вот и все основы взаимоотношений монарха с подданными, никаких апелляций к воображаемым идеалам здесь не просматривается.

Политическую программу по объединению России и Речи Посполитой в 1575 г. часто воспроизводят по т. н. «артикулам Граевского», сообщению польского шляхтича, который был в Москве, встречался с Иваном IV, и по возвращению на родину донес до участников Стенжицкого съезда концепцию царя [Флоря, 1992, с. 173–174]. На наш взгляд, этот источник не заслуживает доверия – Граевский от имени русского монарха воспроизводит польский политический дискурс («народ свой русский с вашими людьми объединять, сравнять в чести и благородстве, сделать одним народом и оставить жить в мире для общего добра и славы»; объединение государств должно быть по образцу польско-литовских уний; паны рада сохраняют свои прерогативы по ограничению власти короля, Грозный только просит дать ему право награждать пожалованиями отличившихся подданных; коронация католическим митрополитом для царя неприемлема, но он готов уступить, «если мне убедительно докажут и объяснят, что это может быть без греха против совести». Тогда «и сам с сыновьями к этой вере пристану и иных много с собою приведу» и т. д.). Представить себе подобные политические идеалы в устах Ивана Грозного сложно. Подобного рода текстов, в которых московскому великому князю давались инструкции, что ему надо делать, став польским королем, ходило в Речи Посполитой немало. Но это польские, а не российские политические идеи [Филюшкин, 2013, с. 445–447].

Анализируя сценарии русской монархии XVI в. в дипломатическом контексте, мы видим, что и царь, и его подданные имели довольно устойчивую систему представлений о том, как должен вести себя царь и какова его сакральная, социальная и символическая роль. Это видно из строгой приверженности посольскому ритуалу, и категорическом нежелании поступаться даже малыми принципами. В этом сразу видели «поруху» государевой чести. Другое дело, что этот идеал нигде не формулировался и тем более не обсуждался. Мы его реконструируем исключительно по поступкам царя и дипломатов, и немного – по описаниям иностранцев, которые не всегда корректны (ср. знаменитую легенду о рукомоинике, из которого якобы русский царь оmyвает руки, если их касались иноземцы) [Юзефович, 1988, с. 198–203]. Отсюда здесь сложно выделить концепцию и тем более идеал, хотя, конечно, за всеми поведенческими моделями стоял символизм. Стоит заметить, что в случае крайней необходимости принципами можно было и поступиться, и это не было грехом. На непризнание царского титула европейцами русская дипломатия реагировала резко, зато, когда то же самое не признавало Крымское ханство (поскольку для него «царь» был

один – хан), послам приказывали «терпети» [Филюшкин, 2006, с. 135–138; Филюшкин, 2010]. Преобладание ритуала и прагматизма говорит о том, что до формулирования политических идеалов и следования им Россия в XVI в. еще не дошла.

Единственным текстом, который в XVI в. прямо рисует нам вообразенное «идеальное общество» – это «Сказание о Магмет-салтане», приписываемое Ивану Пересветову. Его иной раз называют (правда, скорее эмоционально, чем научно обоснованно) «первой русской утопией» [Пересветов, Иван Семенович, 1995]. Анализу взглядов Пересветова посвящена большая литература, и мы не будем на них останавливаться. В любом случае, его сочинение – это уникальный текст, мало вписывающийся в русскую интеллектуальную традицию XVI в. и тем более мало на что повлиявший. Им гораздо больше интересовались потомки, особенно ученые XX в., чем современники.

Но можно ли вообще выделить в России XVI в. что-то похожее на идеалы? Можно, только они лежат не в сфере того, что мы сегодня называем политической или социальной жизнью, а в религиозно-духовной области (что типично для средневековых обществ) и в обычаях повседневности.

Кроме характерного для традиционного общества почитания предков, отцов и дедов в качестве эталона жизненной позиции, идеальные образы воплощались в святых. Для изучения русской святости, как и для любой христианской святости, справедлива постановка проблемы, сформулированной Пьером Делюзом: все образы святых являются конструктом, состоящим из коллективных представлений общества, что такое святость. Никто и никогда не мог стать святым самостоятельно – святого создает общество, которое верит в его особые способности. Понять, что такое святость, можно, изучив коллективные идеалы общества, и наоборот – изучив идеалы, воплощенные в святых, можно составить представление об идеальных представлениях общества о себе самом [Delooz, 1960; Delooz, 1962; Delooz, 1969; Delooz, 1978]. История русской православной святости здесь не исключение. Перед нами идеалы христианского универсума, византийские, восточно-христианские концепции святости, с некоторой селекцией с учетом русской специфики. Главными идеалами изначально выступают принятие своей судьбы, Божьей воли, смирение и мученичество (Борис и Глеб, на чей культ повлияла рецепция чешского культа невинного убитого князя – св. Вацлава [Парамонова, 2003]), сохранение чистоты веры, верность православной церкви (князя-мученики, убитые в Орде) и т. д. Русь изначально была ближе к североевропейской аристократической модели святости (культы преимущественно правителей, князей и церковных иерархов, миссионеров), чем к средиземноморской (доминирование культов простецов, горожан, крестьян, рядовых священников) [об этих моделях см.: Vauchez, 1988]. Это было связано с тем, что развитие идеалов святости были тесно связано с государственными задачами: христианизацией, построением православной государственности, укрепление княжеской власти. В XVI в. преобразование культов местных святых в общерусские на соборах 1547 и 1549 гг. способствовало закреплению центристских тенденций развития Российского царства.

Но во всех этих случаях мы говорим скорее об использовании христианских идеалов святости как одного из элементов инструментария для решения социальных и политических задач (сплочение общества для государственного строительства и отражения внешнего врага и т. д.), чем о самостоятельной разработке в данной области каких-либо идеальных концепций, которые потом бы сыграли свою роль в развитии взглядов на общество и человека. Святые выступали социальными идеалами в сфере морали, мотиваций поведения, нравственного выбора. Но это их атрибутивная роль, которую они играли с разной степенью интенсивности на всем протяжении существования церкви (в Средневековье она выше, по мере нарастания секуляризации общества появляются иные, светские идеалы).

Церковь в России в XV–XVI вв. вела интенсивные дискуссии о христианских идеалах, о путях к спасению, о чистоте веры. Главным здесь надлежит считать спор между нестяжателями и иосифлянами, который, как показано А.И. Алексеевым, вовсе не сводился к проблеме церковно-монастырского землевладения. Это был в том числе спор о моделях спасения души: индивидуальной (спасутся праведники, ушедшие в скиты, как предлагали нестяжатели) и массовой (возможность спасения открыта для всех, кто делает вклады в монастыри) [Алексеев, 2002, с. 45–222]. Победили иосифляне, поскольку предлагаемая ими модель не требовала от человека ухода в монастырь, отречения от мира и духовного подвига. Такое подвижничество было доступно не всем, а предлагаемый иосифлянами путь к спасению души через щедрое пожертвование оказывался возможен без отказа от обычной жизни, по крайней мере для аристократии. Но этот сюжет (как и иные вопросы духовной жизни, обсуждавшиеся, например, в сочинениях Максима Грека, Артемия, Вассиана Патрикеева и др.) не относятся к социальным и политическим идеалам, хотя, конечно, духовная жизнь влияла на аксиологию социума. Перед нами характерная для средневековых обществ религиозная полемика.

Русские взгляды на идеал жизни в микросоциуме получили отражение в текстах об устройстве повседневной жизни, главным из которых надлежит назвать Домострой. Он основан на христианской этике (вплоть до прямых библейских цитат). Его называют «энциклопедией домашней жизни», но это не совсем так — Домострой не столько описывает быт, сколько рисует идеальные картины, модели бытовой и семейной жизни. Здесь перед нами в самом деле социальный идеал, но на микроуровне, применительно к домохозяйству и семье [Найденова, 2003]. К тому же «Домострой» достаточно узко ориентирован — на зажиточные городские слои. Памятник был довольно популярным в городской среде в XVII в., но перед нами опять-таки утилитарный идеал, торжество практицизма.

Завершая наш краткий обзор, мы вынуждены констатировать некоторую искусственность постановки вопроса, вынесенного в заголовок статьи. Политические и социальные идеалы в России в эпоху, которую А.А. Зимин очень точно обозначил: «Россия на пороге нового времени» [Зимин, 1972], появляются не в источниках, а в трудах поздних историков, которые ищут там подтверждения своих презентистских концепций. Для формулирования идеалов нужен прежде всего

слой интеллектуалов, а в описываемое время он был сосредоточен в основном в церковной сфере, где и шло активное осмысление разных вопросов, но прежде всего духовных. В чистом виде проблема функционирования политики как сферы публичных действий не была сформулирована (и в этом нужно согласиться с М.М. Кромом). Здесь довлел интуитивный прагматизм, опиравшийся прежде всего на «старину», традицию, оправдавшие себя сценарии деятельности. Прагматизм был ситуативен, основывался на двух принципах: верность обычаю, и в то же время обычаем можно было поступиться во имя максимального результата. Но время идеалов и концепций как основы для поведенческих моделей придет в Россию позже, вместе с идеями и философией Просвещения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Алексеев А.И. Под знаком конца времен: Очерки русской религиозности конца XIV–нач. XVI вв. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. 347 с.

Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. Ленинград: Наука, 1988. 256 с.

Альшиц Д.Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 243–251.

Афанасьев Э.Л. Русская литература рубежа XVIII–XIX вв., переломный этап национального самопознания (аксиология и поэтика). Дисс. ... доктора филол. наук. Москва, 2002. 330 с.

Бевеерж Б. «Прошедшее прошлого»: некоторые размышления о политике историзации и кризисе истористского прошлого // *Логос. Философско-литературный журнал*. 2021. Т. 31. № 4. С. 65–94.

Богданов В.П. Романовский проект 1203 г.: памятник древнерусской политической мысли или выдумка В.Н. Татищева // *Сборник Русского исторического общества*. Т. 3(151). Под ред. Настенко И.А. Москва: Русская панорама, 2000. С. 215–222.

Бурковская В.А., Тяпкина Е.В. Государственный идеал Московской Руси в эпоху Смутного времени // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2017. Т. 7. № 3 (24). С. 130–134.

Витлин В.Э. В поисках идеала: представления о власти государя в русской публицистике первой трети XVI в. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 400 с.

Гардзанини М. Периодизация литературы допетровской эпохи и конец Средневековья в России // *Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка*. 2019. Т. 78. № 3. С. 5–13.

Гуревич А.Я. Средневековый мир. Культура безмолвующего большинства. Москва: Искусство, 1990. 396 с.

Ерусалимский К.Ю. Греческая «вера», турецкая «правда», русское «царство»...: еще раз об Иване Пересветове и его проекте реформ // *Вестник РГГУ*. 2011. № 7. С. 87–104.

Ерусалимский К.Ю. Первое послание князя А.М. Курбского Ивану Грозному: архетип и его ранняя рецепция // *Древняя Русь: вопросы медиевистики*. 2016. № 4. С. 52–65.

Ерусалимский К.Ю. Первое послание Курбского в Первом послании Грозного: источниковедческие проблемы // *Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания*. Москва: РГГУ, 2002. С. 212–213.

Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). Москва: Мысль, 1972. 452 с.

Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1958. 498 с.

Каравашкин А. В. Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. Москва: Прометей, 2000. 418 с.

Клепикова Ю.В. Бремя империи и призвание России: к философии истории Г.П. Федотова // *Философские науки*. 2019. Т. 62. № 4. С. 44–57.

Колесов В.В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове. Москва: Институт русской цивилизации, 2014. 1120 с.

Кром М.М. К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // *Одиссей: Человек в истории*. 2005. Москва: Наука, 2005. С. 283–303.

Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // *Логос. Философско-литературный журнал*. 2021. Т. 31. № 4. С. 31–64.

Найденова Л.П. Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права). Москва: Сретенский монастырь, 2003. 207 с.

Новиков О.А., Бурковская В.А. Образ тирана и идеального правителя в древнерусской политико-правовой литературе XII века // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. 2017. Т. 7. № 3(24). С. 99–103.

Парамонова М.Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. Москва: ИВИ РАН, 2003. 405 с.

Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Государствуем от великаго Рюрика...»: к вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская Земля — Российское Государство — Российское Царство» // *Тетради по консерватизму*. 2021. № 3. С. 245–262.

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Отв. ред. Д.С. Лихачев, подг. текста Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. Ленинград: Наука, 1979. 432 с.

Пересветов, Иван Семенович // *Энциклопедия фантастики: Кто есть кто*. Под ред. Вл. Гакова. Минск: ИКО «Галаксиас», 1995. 694 с. URL: <http://scifi.spb.ru/authors/p/peresvet.i/peresvet.htm> (дата обращения — 02 марта 2022 г.).

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 10.

Резванов Р.И. Реформационный проект Ермолая-Еразма: сквозь призму концепции автономной власти государства М. Манна // *Развитие территорий*. 2015. № 2(5). С. 1–6.

Скрынников Р.Г. Переписка Грозного и Курбского: парадоксы Эдварда Кинана. Ленинград: Наука, 1973. 136 с.

Соколова Е.С. Самодержавный идеал в надсословных стратегиях Милославских и Нарышкиных: К вопросу о репрезентативной сущности некоторых нормотворческих инициатив конца XVII в. // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 2. С. 55–84.

Толочко А.П. Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: Опыт источниковедческого исследования // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 1995. Москва: Наука, 1997. С. 240–262.

Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

Филюшкин А.И. Религиозный фактор в русской внешней политике XVI века: Ксенофобия, толерантность или прагматизм? // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2010. Band 76. С. 145–180.

Филюшкин А.И. Титулы русских государей. Москва; Ленинград: Альянс Архео, 2006. 256 с.

Флоря Б.Н. Иван Грозный – претендент на польскую корону // *Исторический архив*. 1992. № 1. С. 172–176.

Черных В.Ю. Аксиология истории и русская идея // *Философия и общество*. 1999. № 3. С. 76–93.

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV–начала XVII в. Москва: Международные отношения, 1988. 216 с.

Воеск В. Miscellanea Attributed to Kurbskii: The 17th Century in Russia Was More Creative Than We Like to Admit... // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. Pp. 955–957.

Bogatyrev S. Normalizing the Debate about Kurbskii? // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. Pp. 951–954.

Crummey R. The Silence of Muscovy // *The Russian Review*. 1987. Vol. 46. № 2. Pp. 157–164.

Czubek J. Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków: Nak. Akademii Umiejętności, 1906. 765 s.

Delooz P. Conditions sociologiques de la sainteté canonisée. Liège: La Haye, 1960. 371 p.

Delooz P. L'Évolution des attitudes religieuses en Occident. Paris: La Documentation franç. 1978. 42 p.

Delooz P. Pour une étude sociologique de la sainteté canonisée dans l'église catholique // *Archives des sciences sociales des religions*. 1962. № 13. Pp. 17–43.

Delooz P. Sociologie et canonisations. Liège; La Haye: Faculté de Droit, Martinus Nijhoff, 1969. 515 p.

Filyushkin A. Putting Kurbskii in his Rightful Place // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. № 4. Pp. 958–968.

Friedrich E.-J. Politics and History in the Age of the Enlightenment // *The Journal of Politics*. 1943. Vol. 5. № 4. Pp. 363–390.

Keenan E. Muscovite Political Folkways // *The Russian Review*. 1986. Vol. 45. № 2. Pp. 115–181.

Keenan E. The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the seventeenth-century genesis of the «correspondence» attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1971. 241 p.

Kenyon T. Utopia in reality: «ideal» societies in social and political theory // *History of Political Thought*. 1982. Vol. 3. № 1. Pp. 123–155.

Michelle T. Machiavelli and the imagined Rome of Renaissance Humanism // *History of Political Thought*. 2015. Vol. 36. № 3. Pp. 452–470.

Nielsen T. The State, the Market and the Individual. Politics, Economy and the Idea of Man in the Works of Thomas Hobbes, Adam Smith and in Renaissance Humanism // *Acta Sociologica*. 1986. Vol. 29. № 4. Pp. 283–302.

Rossing N., Rønne B. Apocryphal – Not Apocryphal?: A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyi and Prince Andrej Kurbskij. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1980. 189 p.

Vaucher A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome: Ecole française de Rome, 1988. 771 p.

REFERENCES

Alekseev A.I. *Pod znakom konca vremen: Ocherki russoj religioznosti konca XIV–nach. XVI vv.* [Under the sign of the end of time: Essays on Russian religiosity of the late 15th–early 16th century]. St. Petersburg: Aletejja, 2002. 347 p. (in Russian).

Al'shic D.N. *Nachalo samoderzhavija v Rossii* [The Beginning of Autocracy in Russia]. Leningrad: Nauka, 1988. 256 p. (in Russian).

Al'shic D.N. Pervyj opyt perestrojki gosudarstvennogo apparata v Rossii [The first experience of restructuring the state apparatus in Russia], in *Obshhestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma* [Public consciousness, bookishness, literature of the period of feudalism]. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 243–251 (in Russian).

Afanas'ev Je.L. *Russkaja literatura rubezha XVIII–XIX vv., perelomnyj jetap nacional'nogo samopoznanija (aksiologija i pojetika)* [Russian literature at the turn of the 18th–19th centuries, a turning point in national self-knowledge (axiology and poetics)]. PhD. thesis. Moscow, 2002. 330 p. (in Russian).

Bevernazh B. "Proshedshest' proshlogo": nekotorye razmyshlenija o politike istorizacii i krizise istoristskogo proshlogo ["The Past of the Past": Some Reflections on the Politics of Historicization and the Crisis of the Historic Past], in *Logos. Filosofsko-literurnyj zhurnal*. 2021. Vol. 31. No. 4. Pp. 65–94 (in Russian).

Bogdanov V.P. Romanovskij proekt 1203 g.: pamjatnik drevnerusskoj politicheskoj mysli ili vydumka V.N. Tatishheva [Romanovsky project of 1203: a monument of ancient Russian political thought or an invention of V.N. Tatishchev], in *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshhestva* [Collection of the Russian Historical Society]. Vol. 3(151). Ed. by Nastenka I.A. Moscow: Russkaja panorama, 2000. Pp. 215–222 (in Russian).

Burkovskaja V.A., Tjapkina E.V. Gosudarstvennyj ideal Moskovskoj Rusi v jepohu Smutnogo vremeni [The state ideal of Muscovite Russia in the era of the Time of Troubles], in *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*. 2017. Vol. 7. No. 3(24). Pp. 130–134 (in Russian).

Vitlin V.Je. *V poiskah ideala: predstavlenija o vlasti gosudarja v ruskoj publicistike pervoj treti XVI v.* [In search of an ideal: ideas about the sovereign's power in Russian publicism in the first third of the 16th century]. Moscow: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2021. 400 p. (in Russian).

Gardzaniti M. Periodizacija literatury dopetrovskoj jepohi i konec Srednevekov'ja v Rossii [Periodization of the Literature of the Pre-Petrine Era and the End of the Middle Ages in Russia], in *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija literatury i jazyka*. 2019. Vol. 78. No. 3. Pp. 5–13 (in Russian).

Gurevich A.Ja. *Srednekovyj mir. Kul'tura bezmolstvujushhego bol'shinstva* [Medieval world. The culture of the silent majority]. Moscow: Iskusstvo, 1990. 396 p. (in Russian).

Erusalimskij K.Ju. Grecheskaja "vera", tureckaja "pravda", russkoe "carstvo"...: eshhe raz ob Ivane Peresvetove i ego proekte reform [Greek "faith", Turkish "Pravda", Russian "kingdom"...: once again about Ivan Peresvetov and his reform project], in *Vestnik RGGU*. 2011. No. 7. Pp. 87–104 (in Russian).

Erusalimskij K.Ju. Pervoe poslanie knjazja A.M. Kurbskogo Ivanu Groznomu: arhetip i ego rannaja recepcija [The First Epistle of Prince A. M. Kurbsky to Ivan the Terrible: the archetype and its early reception], in *Drevnjaja Rus': voprosy medievistiki*. 2016. No. 4. Pp. 52–65 (in Russian).

Erusalimskij K.Ju. Pervoe poslanie Kurbskogo v Pervom poslanii Groznogo: istochnikovedcheskie problemy [Kurbsky's First Epistle in the First Epistle of Ivan the Terrible: Problems of Source Studies], in *Istochnikovedenie i istoriografija v mire gumanitarnogo znanija* [Source study and historiography in the world of humanitarian knowledge]. Moscow: RGGU, 2002. Pp. 212–213 (in Russian).

Zimin A.A. *Rossija na poroge Novogo vremeni. (Očerki politicheskoj istorii Rossii pervoj treti XVI v.)* [Russia on the threshold of the Modern Time (Essays on the political history of Russia in the first third of the 16th century)]. Moscow: Mysl', 1972. 452 p. (in Russian).

Zimin A.A. *I.S. Peresvetov i ego sovremenniki. Očerki po istorii ruskoj obshhestvenno-politicheskoj mysli serediny XVI v.* [I.S. Peresvetov and his contemporaries. Essays on the

history of Russian social and political thought in the middle of the 16th century]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1958. 498 p. (in Russian).

Karavashkin A.V. *Russkaja srednevekovaja publicistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyj, Andrej Kurbskij* [Russian medieval political literature: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrey Kurbsky]. Moscow: Prometej, 2000. 418 p. (in Russian).

Klepikova Ju.V. *Bremja imperii i prizvanie Rossii: k filosofii istorii G.P. Fedotova* [The Burden of the Empire and the Vocation of Russia: Toward the Philosophy of History G.P. Fedotova], in *Filosofskie nauki*. 2019. Vol. 62. No. 4. Pp. 44–57 (in Russian).

Kolesov V.V. *Drevnerusskaja civilizacija. Nasledie v slove* [Ancient Russian civilization. Heritage in a word]. Moscow: Institut russoj civilizacii, 2014. 1120 p. (in Russian).

Krom M.M. *K ponimaniju moskovskoj "politiki" XVI v.: diskurs i praktika rossijskoj pozdnesrednevekovoj monarhii* [Towards an understanding of the Moscow "politics" of the 16th century: the discourse and practice of the Russian late medieval monarchy], in *Odissej: Chelovek v istorii*. 2005. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 283–303 (in Russian).

Lorenc K. *Vne vremeni? Kriticheskie razmyshlenija o prezentizme Fransua Artoga* [Out of time? Critical Reflections on Presentism by François Artogague], in *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal*. 2021. Vol. 31. No. 4. Pp. 31–64 (in Russian).

Najdenova L.P. *Mir russkogo cheloveka XVI–XVII vv. (po Domostroju i pamjatnikam prava)* [The world of Russian people of the 16th–17th centuries (according to Domostroy and monuments of law)]. Moscow: Sretenskij monastyr', 2003. 207 p. (in Russian).

Novikov O.A., Burkovskaja V.A. *Obraz tirana i ideal'nogo pravitelja v drevnerusskoj politiko-pravovoj literature XII veka* [The image of a tyrant and an ideal ruler in ancient Russian political and legal literature of the 12th century], in *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija i pravo*. 2017. Vol. 7. No. 3(24). Pp. 99–103 (in Russian).

Paramonova M.Ju. *Svjatye praviteli Latinskoj Evropy i Drevnej Rusi: sravnitel'no-istoricheskij analiz vaclavskogo i borisoglebskogo kul'tov* [Holy rulers of Latin Europe and Ancient Russia: a comparative historical analysis of the Wenceslas and Borisogleb cults]. Moscow: IVI RAN, 2003. 405 p. (in Russian).

Perevezencev S.V., Puchnina O.E., Strahov A.B., Shakirova A.A. "Gosudarstvuem ot velikago Rjurika...": k voprosu o formirovanii edinogo duhovno-politicheskogo aksiologicheskogo kompleksa "Russkaja Zemlja – Rossijskoe Gosudarstvo – Rossijskoe Carstvo" ["We ruled from the great Rurik...": on the question of the formation of a single spiritual and political axiological complex "Russian Land – Russian State – Russian Tsardom"], in *Tetradj po konservatizmu*. 2021. No. 3. Pp. 245–262 (in Russian).

Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim [Correspondence between Ivan the Terrible and Prince Andrey Kurbskij]. Ed. by D.S. Lihachev. Leningrad: Nauka, 1979. 432 p. (in Russian).

Peresvetov, Ivan Semjonovich [Peresvetov, Ivan Semionovich], in *Jenciklopedija fantastiki: Kto est' kto* [Encyclopedia of Fiction: Who's Who]. Ed. by VI. Gakov. Minsk: IKO "Galaksias", 1995. Available at: <http://scifi.spb.ru/authors/p/peresvet.i/peresvet.htm> (accessed 02 March 2022).

Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 79. Inv. 1. D. 10.

Rezvanov R.I. Reformacionnyj proekt Ermolaja-Erazma: skvoz' prizmu koncepcii avtonomnoj vlasti gosudarstva M. Manna [Yermolai-Erasmus reform project: through the prism of the concept of autonomous power of the state M. Mann], in *Razvitie territorij*. 2015. No. 2(5). Pp. 1–6 (in Russian).

Skrynnikov R.G. *Perepiska Groznogo i Kurbskogo: paradoksy Jedvarda Kinana* [Correspondence between Grozny and Kurbsky: the paradoxes of Edward Keenan]. Leningrad: Nauka, 1973. 136 p. (in Russian).

Sokolova E.S. Samoderzhavnyj ideal v nadsoslovnyh strategijah Miloslavskih i Naryshkinyh: K voprosu o reprezentativnoj sushhnosti nekotoryh normotvorcheskih iniciativ konca XVII v. [The autocratic ideal in the supra-estate strategies of the Miloslavskys and Naryshkins: On the question of the representative essence of some rule-making initiatives of the late 17th century], in *Genesis: istoricheskie issledovanija*. 2017. No. 2. Pp. 55–84. (in Russian).

Tolochko A.P. Konstitucionnyj proekt Romana Mstislavicha 1203 g.: Opyt istochnikovedcheskogo issledovanija [The constitutional project of Roman Mstislavich in 1203: An experience of source study], in *Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy*. 1995. Moscow: Nauka, 1997. Pp. 240–262 (in Russian).

Filyushkin A.I. *Izobretaja pervuju vojnu Rossii i Evropy. Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI veka glazami sovremennikov i potomkov* [Making the first war between Russia and Europe. Baltic wars of the second half of the 16th century through the eyes of contemporaries and descendants]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2013. 880 p. (in Russian).

Filyushkin A.I. Religioznyj faktor v russoj vneshnej politike XVI veka: Ksenofobija, tolerantnost' ili pragmatizm? [The Religious Factor in Russian Foreign Policy of the 16th Century: Xenophobia, Tolerance or Pragmatism?], in *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2010. Band 76. Pp. 145–180 (in Russian).

Filyushkin A.I. *Tituly russkikh gosudarej* [Titles of the Russian sovereigns]. Moscow; Leningrad: Al'jans Arheo, 2006. 256 p. (in Russian).

Florja B.N. Ivan Groznyj – pretendent na pol'skuju koronu [Ivan the Terrible – contender for the Polish crown], in *Istoricheskij arhiv*. 1992. No. 1. Pp. 172–176 (in Russian).

Chernyh V.Ju. Aksiologija istorii i russskaja ideja [Axiology of History and the Russian Idea], in *Filosofija i obshhestvo*. 1999. No. 3. Pp. 76–93 (in Russian).

Juzefovich L.A. "Kak v posol'skikh obyčajah vedetsja..." *Russkij posol'skij obyčaj konca XV–nachala XVII v.* ["How is it carried out in embassy customs ..." Russian embassy custom of the end of the 15th–beginning of the 17th]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1988. 216 p. (in Russian).

Boeck B. Miscellanea Attributed to Kurbskii: The 17th Century in Russia Was More Creative Than We Like to Admit..., in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. No. 4. Pp. 955–957.

Bogatyrev S. Normalizing the Debate about Kurbskii?, in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. No. 4. Pp. 951–954.

- Crummey R. The Silence of Muscovy, in *The Russian Review*, 1987. Vol. 46. No. 2. Pp. 157–164.
- Czubek J. *Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia*. Kraków: Nak. Akademii Umiejętności, 1906. 765 p.
- Delooz P. *Conditions sociologiques de la sainteté canonisée*. Liège: La Haye, 1960. 371 p.
- Delooz P. *L'Évolution des attitudes religieuses en Occident*. Paris: La Documentation franç. 1978. 42 p.
- Delooz P. Pour une étude sociologique de la sainteté canonisée dans l'église catholique, in *Archives des sciences sociales des religions*. 1962. No. 13. Pp. 17–43.
- Delooz P. *Sociologie et canonisations*. Liège; La Haye: Faculté de Droit, Martinus Nijhoff, 1969. 515 p.
- Filyushkin A. Putting Kurbskii in his Rightful Place, in *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2012. Vol. 13. No. 4. Pp. 958–968.
- Friedrich E.-J. Politics and History in the Age of the Enlightenment, in *The Journal of Politics*. 1943. Vol. 5. No. 4. Pp. 363–390.
- Keenan E. Muscovite Political Folkways, in *The Russian Review*, 1986. Vol. 45. No. 2. Pp. 115–181.
- Keenan E. *The Kurbskii-Groznyi apocrypha: the seventeenth-century genesis of the "correspondence" attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV*. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1971. 241 p.
- Kenyon T. Utopia in reality: 'ideal' societies in social and political theory, in *History of Political Thought*. 1982. Vol. 3. No. 1. Pp. 123–155.
- Michelle T. Machiavelli and the imagined Rome of Renaissance Humanism, in *History of Political Thought*. 2015. Vol. 36. No. 3. Pp. 452–470.
- Nielsen T. The State, the Market and the Individual. Politics, Economy and the Idea of Man in the Works of Thomas Hobbes, Adam Smith and in Renaissance Humanism, in *Acta Sociologica*, 1986. Vol. 29. No. 4. Pp. 283–302.
- Rossing N., Rønne B. *Apocryphal – Not Apocryphal?: A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence Between Tsar Ivan IV Groznyi and Prince Andrej Kurbskij*. Copenhagen: Rosenkilde and Bagger, 1980. 189 p.
- Vauchez A. *La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques*. Rome: Ecole française de Rome, 1988. 771 p.

Статья принята к публикации 20.03.2022